

Гипостазирование как проблема лингвистической эпистемологии¹

Л.А. МИКЕШИНА

Гипостазирование – один из приемов теоретического и философского мышления, приписывающий существование идеальным объектам в форме представления, понятия, закона, числа, слов и языковых символов. Рассматриваются такие формы гипостазирования в языке, как «дезориентирующие выражения» Г. Райла, как онтологизация, категоризация и членение мира языком в лингвистике, гипостазирование «предметности», по А. Майнонгу.

Ключевые слова: гипостазирование, квазидискрипции, лингвистика, язык, онтологизация, референт, теория предмета, предметность.

Сегодня под гипостазированием понимается, как правило, «логическая (семантическая) ошибка, заключающаяся в опредмечивании абстрактных сущностей, в приписывании им реального, предметного существования»². В таком определении, закрепляющем только отрицательное значение гипостазирования как приписывания су-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 11-03 – 00011.

² Философия // Энциклопедический словарь. М., 2004. С. 181.

ществования, присутствует еще одна «операция» – реификация, или опредмечивание, «овеществление», имеющая самостоятельный статус. Она часто сопровождает и дополняет гипостазирование, но в данном случае специально не рассматривается³. Очевидно, что традиционное понимание гипостазирования как приписывания существования идеальным объектам покоится на классических представлениях об онтологии, реальности, оценивается как неотъемлемая «операция» идеалистической философии и различных метафизических построений. Однако гипостазирование и реификация в течение XX в. приобрели новые звучания и трактовки, происходило развитие их понятийного содержания, в частности при современном исследовании природы и эпистемологического «статуса» идеальных объектов, особенно в сфере информации и языка.

В истории философии, в частности для Канта, гипостазирование не просто «ошибка разума», но сознательное введение «понятия всей реальности», т.е. создание общего, абстрактного *понятия*, о котором заведомо известно, что оно не имеет и не может иметь чувственного референта. Это лишь своеобразный прием, используемый разумом, который положил гипостазированную идею «в основу полного определения вещей вообще только как *понятие* всей реальности, вовсе не требуя, чтобы вся эта реальность была дана объективно и сама составляла вещь»⁴. Не меньшее значение гипостазированию придавали и другие крупнейшие философы, в частности Э. Гуссерль, посвятивший особую главу «Логических исследований II» феномену гипостазирования общего, его психологической и метафизической формам, а также причинам, природе разных форм гипостазирования.

Одна из трудностей, с которой встречаются исследователи, состоит в том, что применение гипостазирования не всегда однозначно приводит к отрицательным результатам, прежде всего потому, что этот прием часто оказывается необходимым в сфере теоретического и философского мышления. В этом можно убедиться, рассматривая, например, методы метафизических построений в философии, в которых прием гипостазирования с необходимостью в той или иной степени включен во все случаи рассуждения, где нет эмпирических, опытных обоснований.

³ Подробно см.: Л.А. Микешина. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М., 2010. Ч. I. Гл. 4; Она же. Эпистемологическое оправдание гипостазирования и реификации // Вопросы философии. 2010. № 12.

⁴ Кант И. Критика чистого разума. В 8 т. Т. 3. М., 1994. С. 440.

В целом эпистемологический анализ операции гипостази-рования позволяет выделить ряд ее базовых компонентов. Прежде всего, гипостазирование не является прямым логическим следованием; его семантика проблематична; нет эмпирического обоснования, так как объект не наблюдаем. Оно, имея утвердительную форму, одновременно неявно может содержать предположение, часто является воображаемым и гипотетическим построением, референт которого не выявлен. Содержание гипостазированного утверждения – приписывание *существования* не только материальным, но и идеальным объектам в форме представления, понятия, закона, модели, теории, числа и других феноменов в знаковой, в частности языковой, вообще символической форме. Прием гипостазирования просматривается в различных сферах как обыденного, так и теоретического познания, в полной мере представлен во всех типах неформализуемого гуманитарного знания, в частности в учениях о языке, о чем и идет речь в данной статье.

В последние десятилетия, на переходе веков проблема «познание и язык» занимает все большее место в эпистемологических исследованиях, причем происходит это на стыке с собственно лингвистическими работами и когнитивными науками. Сегодня уже можно говорить о существовании *лингвистической эпистемологии*, в которой роль языка в познании становится определяющей темой. Это направление значимо не только для обоих участников взаимодействия, но безусловно и для эпистемологии гуманитарных и социальных наук в целом. Этим «лингвистическим поворотом» охвачены такие проблемы, как история понятий, история дискурса, историческая семантика и многие другие⁵.

Одна из нетривиальных лингвистически-эпистемологических проблем – это по сути замеченное Л. Витгенштейном «околдовывание» разума средствами языка. По-своему она исследована Г. Райлом как «дезориентирующая» возможность языка и напрямую названа Р. Рорти «гипостазированием языка»⁶. Дискуссия возникла сразу, так как Г.Г. Гадамер подчеркивал и уточнял, что «мнимые философские проблемы возникают на самом деле не в силу порочности языка, а из-за ложной догматизации мышления в метафизике, из-за гипостазирования метафизикой используемых ею слов»⁷. По-ви-

⁵ Буссе Д. История понятий – история дискурса – лингвистическая эпистемология // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге. М., 2007.

⁶ Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 122.

⁷ Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 24.

димому, Гадамер справедливо отмечает особую сопричастность метафизики и гипостазирования с помощью языка, эта проблема ожидает своего рассмотрения, но вместе с тем он неправомерно защищает сам язык, не учитывая его «порочные» возможности. В этом можно убедиться, обратившись к исследованиям аналитика Г. Райла, а также самих лингвистов.

Райл о «дезориентирующих» возможностях языка. Проблема «гипостазирование и язык» занимает, как мне представляется, особое место в этом контексте и выявляет с очевидностью различные следствия и возможности многообразных форм языкового гипостазирования, хотя сам Райл этим термином не пользуется. Исследуются некоторые особенности языка, который может включать квазионтологические, квазиплатонические утверждения, утверждения «якобы об универсалиях», квазидескрипции, а также систематически дезориентирующие квазиреференциальные предложения. Он развернул целую панораму примеров языковой «дезориентации» и стремился выяснить, что же имеется в виду под общими терминами, заключенными в предложениях. Его цель – показать несоответствия грамматической формы предложений языка с реальным «положением дел», т.е. по существу он разбирает те случаи, когда эта форма как бы предписывает (гипостазирует) заложенные в ней «факты».

Так, слово или фраза могут быть неопределенными и поэтому вызывать двусмысленности; либо быть общими там, где должно быть конкретное; или же слово может содержать семантическую ошибку, быть неверно употребленным термином. Райл полагает, что существуют предложения, имеющие такую грамматическую или синтаксическую форму, которая *не соответствует* «положению дел», описываемых ими. Известный пример дезориентирующего квазионтологического утверждения, взятый у Канта, – «Бог совершенен, из бытия совершенным следует бытие существующим, значит Бог существует». Очевидно, что в этом случае язык и грамматическая форма по сути гипостазируют существование Бога⁸.

⁸ Райл Г. Систематически дезориентирующие выражения // Эпистемология и философия науки. М., 2010. Т. XXV, № 3. С. 194–196; Ryle G. Systematically Misleading Expressions // The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method ; R. Rorty (ed.). Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 1992. P. 85–100. Здесь же см. статью Д. Шапиро с критикой подхода Райла к проблеме, навеянной Л. Витгенштейном, – можно ли в принципе говорить об отношении грамматической формы предложения языка к логической структуре факта, к «положению дел».

Итак, язык, его грамматические формы могут «предписывать» и гипостазировать неоднозначные – близкие или далекие от «положения дел» – содержательные смыслы. Нужно понимать, что исходные высказывания могут «говорить» вовсе не то, что казалось на первый взгляд. По Райлу, «паралогизмы и антиномии – это свидетельства того, что выражение является систематически дезориентирующим». Люди часто используют выражения, которые «маскируют вместо того чтобы выявлять формы записываемых фактов». Райл приходит к выводу, что обыденное абстрактное мышление может запутаться в систематически дезориентирующих выражениях. Но и «философское абстрактное мышление, подлинная функция которого – излечить этот недуг, на самом деле является одной из наибольших его жертв». Однако специфика остается, именно философ в отличие от лингвиста или стилиста не работает над стилем, но исследует соответствие предложения формам фактов, «положению дел», может изменить синтаксис, построение фразы, снимая тем самым дезориентирующий эффект утверждения.

Таким образом, подход Райла и его исследование такого феномена, как синтаксические и грамматические способы, дезориентирующие отношение предложения к «фактам» или «положению дел», демонстрируют одновременно одну из форм гипостазирования в языке посредством различных грамматических и синтаксических форм, а также его возможные отрицательные последствия. Однако сама проблема присутствия и роли гипостазирования в языке гораздо более обширна и значима в рамках языка в целом.

Некоторые аспекты роли языка в познании мира и гипостазирование. Современная лингвистика, опирающаяся на идеи структурализма, конструктивизма, когнитивизма, описывает многие познавательные операции, не сводящиеся к «отражению» мира, но учитывающие активную роль человека и его языка в познании мира и представлении онтологии. Одна из самых известных в конце XX в. генеративная грамматика Н. Хомского потребовала значительных усилий в определении позиции – вначале общего признания, а позже общей критики, которую занимает сегодня большинство лингвистов. Как известно, осуществив своего рода революцию в преодолении господствующего индуктивного подхода, его замену на «репрезентацию языка в мозгу человека», он по существу *гипостазировал* «онтологизирующее» понимание грамматики языка, утверждая существование ее аппарата в

действительности как некой реальности сознания. Последующие дискуссии подтвердили несостоятельность такого не подкрепленного эмпирическими исследованиями гипостазирования, что широко обсуждалось в лингвистических работах последней четверти XX в.⁹ В любом случае, по мнению лингвистов, теории, которые так или иначе гипостазируют грамматический аппарат, не должны приписывать ему свойства отдельной от лексики и других форм языка объективной «сущности».

Таким образом, с точки зрения эпистемологического анализа в основе одной из наиболее значимых дискуссий XX в. о языке и его грамматике лежал вопрос о правомерности/неправомерности онтологического гипостазирования, осуществленного в концепции Хомского.

Известно, что объективация сознания происходит главным образом с помощью языковых форм, при этом происходит преодоление непосредственно воспринятых данных и выход за пределы наглядного опыта, когда многие абстрактные понятия создаются «силой разума» и номинальным определением, соединением концептов, которым нет прямых соответствий в реальном мире. В языке присутствуют как слова, обладающие реальными референтами, так и слова, таких референтов не имеющие. Как отмечает известный лингвист В.С. Кубрякова, «свидетельствуют эти абстрактные слова, конечно, и о том, что акты номинации заключаются не столько в прямом обозначении реальных фрагментов мира... но также в поисках формы “упаковки” для создаваемых человеком концептуальных структур (независимо от того, складываются ли эти структуры в процессе прямого взаимодействия человека с миром или в процессе оперирования самими ментальными концептами нашего сознания)»¹⁰.

Сложные процессы гипостазирования происходят тогда, когда с помощью слов – частей речи – происходит членение человеком мира, окружающей его действительности, ее классификация и категоризация. В конечном счете слова, язык в целом складывают целостную картину мира, специфика которой зависит от особенностей языка и культуры данного народа, его языкового творчества. Части речи и члены предложения как способы членения обладают глубокими концептуальными предпосылками и особым сочетанием когни-

⁹ Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987; Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004. С. 50–57; и др.

¹⁰ Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 22.

тивного и коммуникативного оснований. «Можно полагать вследствие этого, что если язык представляется разделенным на разные сущности – объекты, события, признаки, явления и процессы, он как бы уже одним этим утверждает экзистенцию в действительности отдельных тел, лиц, их атрибутов и т.п. Язык членит действительность, поскольку ее членит наше сознание, и делит на такие составляющие, которые оно выделило и “признало”»¹¹. Отмечая эти особенности языка, Кубрякова особо подчеркивает, что язык «не простое зеркало мира», но осмысленное и интерпретированное образование, представленное в ходе деятельности, в частности через классификацию и категоризацию – базовые формы обработки знания.

Появление в каждом конкретном случае процедур классификации и категоризации не является индуктивным обобщением, так как предварительно гипотезируются основания и принципы, часто как конвенции, в том числе лингвистической, и лишь затем апробируются. Это нашло отражение в известной лингвистической (в отличие от философской) дискуссии реалистов, которые считают сходство, общность называемых вещей «онтологическими», или существующими «в природе», и номиналистов, полагающих, что решение о тождестве вещей, называемых одним именем, является следствием конвенции. Один из вариантов номинализма представлен известной концепцией Сепира–Уорфа, по которой существует «лингвистическая относительность», а язык диктует, или гипотезирует, членение мира¹².

Результаты, полученные когнитивной психологией, стали основанием для исследования категоризации во многих других областях. Обращение к этой проблематике стимулировалось двумя фундаментальными процессами: «лингвистическим поворотом» в философии и других гуманитарных формах знания, а также переосмыслением самого языка как объекта изучения, существующего в единстве познания (когниции) и коммуникации. Он исследуется сегодня как в своих прямых функциях, языковой компетенции говорящего, так и в виде проявления других когнитивных и ментальных процессов восприятия, памяти, мышления, воображения, рассматриваемых не только в психологии, но и в новой области зна-

¹¹ Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 44.

¹² Сепир Э. Грамматист и его язык // Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 258. Здесь формулируется его теория лингвистической относительности, радикальный вариант которой принят позже его учеником Б. Уорфом.

ния – когнитивной науке, междисциплинарной по своей природе. Вопросы концептуализации и категоризации мира являются сегодня базовыми и для когнитивной лингвистики, в частности когнитивной семантики, признаваемой как наука о теории категоризации.

Одна из проблем, способ решения которой безусловно значим и для эпистемологии, – это соотношение различий, существующих в реальном мире, и различий, фиксируемых средствами языка. Как бесконечное разнообразие действительности охватывается конечным числом языковых форм? Этот вопрос стал одним из центральных в когнитивной лингвистике, в частности во вновь складывающейся прототипической семантике, где поиск ответа опирается на два допущения: 1) в основе категорий лежат не особенности конкретного языка, но определенная модель знания; 2) категории обладают прототипической структурой – определенной внутренней организацией, включающей ядро и периферию. Наличие такого ядра позволяет образовываться категориям не только с помощью логического следования – обобщению по полному совпадению свойств, но и по той или иной степени их *сходства* или *подобия*, когда логические законы не имеют строгого применения. Категория возникает, существует и развивается, ориентируясь на лучший образец (прототип) и устанавливая определенную иерархию признаков. Во всех этих случаях, близких обыденному сознанию, господствуют отношения по типу «семейного сходства» – идея Л. Витгенштейна – и принадлежность к категории скорее гипостазирована, нежели выводится с помощью законов логики. Именно принцип семейного сходства использован лингвистами при описании процесса категоризации и введении понятия прототипа.

Понимание языковой категории как концепта, гештальта, оперативной единицы мышления, сохраняющей элементы образности, позволяет понять ее фундаментальное значение в выполнении таких функций, как редуцирование поступающей в мозг информации, упрощение процесса идентификации, осмысление объектов, преодоление чрезмерной детализации, отнесение к более высокой категории, принятие решений относительно последующих действий с объектами и установление отношений между ними. Очевидно, что все эти операции не исчерпываются приемами логической абстракции, гораздо богаче метода отвлечения и обобщения и не сводятся к ним. Гипостазировав систему категорий и концептов, язык через нее членит, «категоризирует и концептуали-

зирует мир в соответствии с тем, как человек воспринимает действительность... Когнитивный взгляд на природу естественного языка заставляет признать не только сам факт ментальной репрезентации мира в сознании человека, но и факт *упорядоченности* этой репрезентации, наличия в ней организуемых принципов в представлении знаний и их существования в форме концептов...»¹³

Одновременно исследователи отмечают, что категории языка как носители человеческих знаний не равноценны и не рядоположены, поскольку различны по природе, структуре и назначению. Они организуют знания о мире, например как части речи или грамматические категории, имеющие онтологические основания и «сортирующие» фрагменты внешнего мира; как «вербально-ориентированные», если характеризуют язык науки, например лингвистики, и имеют дело с реальностью самого языка. Первые имеют в качестве референтов реальные предметы, свойства, отношения, могут быть истинными или ложными, а вторые имеют дело с представлениями о референтах и способах их знакового замещения. Изучение языка с позиций особенностей его категоризации позволило ученым переосмыслить природу языка и его функций, понять, что он выполняет две главные функции – когнитивно-репрезентативную и коммуникативную (дискурсивную). Они в равной мере определяют специфику языка, его структуру и правила, а функции языка следует рассматривать не как изолированные друг от друга, но как согласованные и взаимозависимые.

Такое понимание языка как единства когниции и коммуникации, выражаемое, в частности, через фундаментальный процесс категоризации, включающей в ряде случаев гипотезирование, может стать предпосылкой и основанием для становления и развития методологии социальных и гуманитарных наук. Одновременно опыт когнитивной лингвистики, исследующей фундаментальную операцию категоризации как универсальную во всех видах познания, дает новые возможности для более глубокого понимания, в том числе и в философии, природы категорий, универсалий вообще, а также обогащения эпистемологии как учения о познании с опорой на результаты лингвистических исследований.

Важнейший раздел лингвистики – изучение становления частей речи – удивительных феноменов, не являющихся результатом традиционного логического обобщения каких-либо

¹³ Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 164.

свойств реальности или мышления. Велико разнообразие подходов и приемов: начиная от Платона, для которого части речи – это члены предложения с оппозицией субъекта и предиката; от Аристотеля с его определением частей речи по морфологическим признакам, введением времени для глагола и до современных представлений. В частности, от «идентифицирующей и характеризующей частей предложения», до «односоставных бытийных предложений» с их своеобразной дескрипцией мира. В последних (например: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека») Кубрякова усматривает особый случай: «В них сильна функция референции, гипостазирована номинативная функция, хотя реальному обозначению могут, конечно, подвергаться не только предметные сущности», но и другие – типа «Морозит»; «Светает» – или, например, односоставные предложения детей.

Особый интерес с точки зрения присутствия элементов гипостазирования в языке представляет собой рассмотрение таких категорий языка, как существительное и предмет. Дискуссии, существующие в лингвистике, связаны с проблемой определения онтологии или «онтологически детерминированных слов» в каждом конкретном случае существительного или предмета. На равных ли правах, например, обозначены как «предметы» такие феномены, как «стол», «истина», «мальчик», «электричество» и т. п., и нет ли здесь определенной формы гипостазирования «предметности»? Как на этот вопрос отвечают лингвисты? Традиционно под предметными значениями понимались лексические значения материальных предметов, физических тел и в целом все то, что выражается существительными. Соответственно кроме собственно предметов туда включались события, пространственные и временные отношения, качества, состояния и действия, формы предметов, численные определения, наконец, логические и философские категории¹⁴. Сегодня такая позиция подвергнута критике, поскольку предметность гипостазирована без учета различий онтологического характера. Однако выяснилось, что это не «вина» традиционной грамматики, так как данные единицы включались в состав существительных *самим языком*, который тем самым демонстрировал «релевантность рассмотрения подлинно предметных слов и слов далеко не “предметных” как однопорядковых – они маркированы морфологически теми же приметами, выражают те же грамматические значения... сходно употребляются»¹⁵. Все суще-

¹⁴ Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 133–134.

¹⁵ Кубрякова Е.С. Указ. соч. С. 135–136.

ствительные сближает то, что получило название «концепт предметности», и грамматически правомерно рассматривать в одном ряду термины «стол», «истина» и «электричество», что невозможно в философском тексте, где эта проблема требует специального рассмотрения.

Предметность и ее гипостазирование в философии.

Важнейшие категории формальной онтологии – предмет, предметность представления и суждения, ее идеи могут прояснить природу и необходимы для понимания правомерности и особых фундаментальных функций гипостазирования и реификации. Известно, что исследования этих проблем Ф. Brentano повлияли на идеи Э. Гуссерля, становление львовско-варшавской школы К. Твардовского, «теорию предмета» А. Майнонга, однако в отечественной философии эти способы исследования проблем логики, философии языка, онтологии использовались в недостаточной степени и по-прежнему остаются за пределами внимания эпистемологов¹⁶.

Для понимания «онтологического пространства» гипостазирования и реификации, их специфических *предметов* необходимо продолжить выяснение природы *предмета* суждения как такового, его структуры и способа бытия. Необходимо преодолеть наивно-реалистическое представление о предмете/объекте познания, отождествляемого чаще всего с физическим, вещным, несмотря на то что даже и в этом случае в *познании* мы имеем дело уже с его представлением, от которого должно быть отделено собственно суждение.

Для Brentano представление и суждение – это два «совершенно различных способа осознания предмета», при этом «всякое суждение предполагает представление... каждый предмет суждения входит в сознание двояким способом, как предмет представленный и как предмет признанный или отверженный»¹⁷. В свою очередь Твардовский отмечает, что «предмет» и «объект» употребляют, с одной стороны, для обозначения того, «что наличествует само по себе», а с другой стороны, для обозначения наличествующего «в» нас некоторого «образа» реального предмета/объекта, который называ-

¹⁶ Исключение составляют работы: Драглина-Черная Е.Г. Формальные онтологии: аналитическая реконструкция. М., 2000. С. 39–47, 77–112; Васюков В.Л. Формальная онтология и искусственный интеллект // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. М., 2006. С. 305–324; Анисов А.М. Типы существования // Вопросы философии. 2001. № 7; и др.

¹⁷ Brentano Ф. Психология с эмпирической точки зрения // Вопросы философии. 1995. № 2. С. 153.

ют «имманентным или интенциональным объектом». Это различие часто не осознается, хотя оно правомерно и для представления и для суждения. В то же время всегда возможна ситуация перехода представления в суждение, и тогда представленные *с помощью слов* признаки относят к предмету. Такие слова, как «государство», «право», «полиция», «цена», «товар», «закон природы» и т.п., получают свое значение для нас не столько в представлениях, сколько в суждениях (т.е. гипостазированы), при помощи дефиниций и абстракций. Таким образом, Твардовский выходит на проблему *существования/несуществования предмета суждения*: «ведь судим-то мы о предмете, но когда мы его признаем, то оказывается, что вместе с этим мы признаем и его существование; если же его отрицаем, то отрицаем также и его существование»¹⁸.

По сути Твардовский, следуя идеям Brentano, обсуждает здесь в терминах «суждение», «представление», «предмет», «существование/несуществование» еще и процесс гипостазирования как особого рода суждения – принятия существующим. Так, если высказывается суждение «развитие общества подчиняется социальным законам», то гипостазировано существование социальных законов; если провозглашается «право наций на самоопределение», то гипостазировано существование наций и т.д. Или: если высказывается суждение о разных товарах, их ценности или стоимости, необходимости обмена и проч., то очевидно, что «товар вообще», обязанный своему появлению определенному типу *отношений*, в этом случае рассматривается как *существующий* физически реальный предмет, т.е. овеществляется (реифицируется).

Для понимания природы гипостазирования важное значение имеют идеи Brentano–Твардовского, выдвинутые против так называемых беспредметных представлений, в содержание которых обычно включаются несовместимые признаки (остроугольный квадрат, круглый четырехугольник, зеленая добродетель и т.п.). В этом случае предмет представления с противоречивыми признаками не существует, но вместе с тем утверждается, что он существует как «представленный предмет»¹⁹. Еще одна близкая проблема – бытие некоторого предмета *названным* (по аналогии с представленным), т.е. обозначение предмета словом может рассматриваться как предпосылка или следствие существования этого предмета,

¹⁸ Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М., 1997. С. 44.

¹⁹ Там же. С. 62.

что переключается с рассмотренной ранее лингвистической проблемой предметности в языке. В этом случае название, выражение в языковой форме – это представление в языковых знаках. Разумеется, название вызывает только представление, а не саму вещь, оно сообщает об акте представления, задает значение и наименование предмета. Эти проблемы нас могут интересовать потому, что *названный* предмет в акте гипостазирования может быть принят за реально существующий. И тогда зависящие от человека различные формы дискурса, а также смена функций языка как называния, придания значения и сообщения может существенно менять представление предмета и суждения о нем, что может быть принято за действительное существование предмета²⁰.

Таким образом, для понимания возможности гипостазирования и его предмета мы должны учитывать, что «посредством каждого представления представлен какой-то предмет независимо от того, существует он или же нет», и на основе этого может быть осуществлено суждение о предмете, существование которого фактически в опыте не дано²¹. Подтверждается также, что и язык определяет то, что может быть предметом, – «предмет есть все то, чему мы даем название», но акт именования в этом случае обязательно предполагает имена существительные или другие субстантивированные части речи. По Твардовскому, необходимо различать *реальность* предмета и его *существование*, при этом «реальность предмета описать словами невозможно; и все же большинство философов соглашались между собой в том, что такие предметы, как резкий звук, дерево, грусть, движение, являются чем-то реальным, тогда как такие предметы, как лишенность, отсутствие возможности и т.п., следует причислить к нереальным... Такие суждения, как “существует нехватка денег”... являются истинными или ложными совершенно независимо от нереальности предмета, признанного или отброшенного в этих суждениях»²².

Четко различаются также понятия «предмет» и «вещь», при этом первое шире по объему. К предметам принадлежат все без исключения категории того, что может быть представлено, например «смертельное падение», «эксперимент», «убийство», «эпилептический приступ», которые, являясь

²⁰ Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // М. Хайдеггер. Время и бытие. М., 1993. С.290.

²¹ Твардовский К. Указ. соч. С. 64.

²² Там же. С. 74.

предметами, не являются вещами. Обсудив эти вопросы, Твардовский делает краткое резюме: «Все, что представлено посредством представления, признано либо отброшено суждением, желаемо либо отвергаемо эмоциональной деятельностью, мы называем предметом. Предметы бывают реальными и нереальными, возможными и невозможными. Общим для всех них является то, что они могут быть или же являются объектом (не интенциональным) психического акта, что их языковым обозначением является название...»²³ Такое понимание предмета необходимо не только для понимания природы и содержания гипостазирования/реифицирования, но и для понимания характера онтологии в гуманитарном знании.

Значимы также понятия «общее представление» и «общий предмет». Возможны ли общее представление и общий предмет и если да, то как их можно объяснить, если они ненаглядны и поэтому многие философы отрицали их существование? Это не новая проблема, Твардовский отмечает, что «идеи Платона – это не что иное, как предметы общих представлений. Платон приписывает им существование. Сегодня мы этого уже не делаем; предмет общего представления является нами представленным, но не существует... и о его существовании можно говорить самое большее в том смысле, что он может обнаруживаться в предметах соответствующих единичных представлений...»²⁴ Возможно, не замечают существование общих предметов потому, что «язык часто использует одинаковые названия для обозначения общих и единичных предметов», а «общий предмет образует определенным способом метафизическую составную часть подчиненных ему единичных предметов»²⁵.

Итак, Твардовский отрицает «реальное существование» общего предмета и обсуждает проблему и средства его представления с помощью вспомогательных представлений, опирающихся на единичный предмет, с чем можно согласиться. Однако остается открытым вопрос о том, как существуют такие общие предметы, как понятие, предложение или «зеленое», если оно воспринимается (представляется) как цвет листьев. И в этом случае следует, по-видимому, согласиться с Гуссерлем, который размышляет о существовании общего как «означиваемого», а не только «представленного» предмета.

²³ Твардовский К. Указ. соч. С. 78.

²⁴ Там же. С. 148.

²⁵ Там же. С. 153.

А. Майнонг, размышляя «О теории предметов» (1904) в статье, переведенной на русский язык и опубликованной впервые в данном журнале, ставит вопрос о создании самостоятельной науки, исследующей «предмет как таковой в его всеобщности»²⁶. Наука о предмете должна занять свое самостоятельное место как более общая теория среди психологии, теории познания, логики и философии, тесно взаимодействуя с ними. Это относится и к языкознанию, которое, оперируя значениями слов и предложений, также «необходимым образом связано с предметами, а грамматика создала основу для теоретического схватывания предметов»²⁷.

Важнейшим для понимания процесса гипостазирования в целом и предмета в частности является критика Майнонгом «предрассудка в пользу действительного» и формулирование им принципиального положения о том, что является предметом познания, в который он включает и «недействительное». «Недействительное трактуется как чистое ничто, или точнее, как нечто такое, что либо вообще не представляет интереса для познания, либо не заслуживает особого внимания»²⁸. Но предмет познания не исчерпывается только тем, что действительно существует, а включает также идеальные предметы, «которые, хотя и наличествуют (*bestehen*), однако ни в коей мере не существуют (*existieren*), а также ни в каком смысле не могут быть реальными»²⁹. Например, тождество или различие – предметы, которые реально существуют «в отношениях между различными действительными предметами, но сами они действительности не принадлежат». Это же можно сказать и о числе, которое не может обладать собственным существованием в дополнение к существованию того, что им исчисляется, а также можно считать и то, что не существует.

Майнонг напоминает нам о гипостазированной природе математики, о том, что «чисто математическое познание ни в коем случае не оперирует чем-то таким, что непременно должно быть действительным. То бытие, которым должна заниматься математика как таковая, абсолютно не является существованием (*Existenz*); в этом отношении математика никогда не выходит за пределы наличия (*Bestand*): ведь прямая линия существует в столь же малой степени, как и прямой

²⁶ Майнонг А. О теории предметов ; пер. с нем. и вступ. статья В.В. Селеверстова // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII, № 1. С. 203.

²⁷ Там же. С. 214.

²⁸ Там же. С. 205.

²⁹ Там же.

угол, правильный многоугольник – в столь же малой степени, как и круг»³⁰. Но как же тогда понять, задается вопросом Майнонг, если все науки естественные и гуманитарные «принимают в расчет лишь то знание, которое имеет дело с действительностью», то не удивителен ли «тот факт, что математика никак не укладывается в эту классификацию».

Очевидно, что даже весьма предварительное рассмотрение природы слова и понятия «предмет» привело нас к фундаментальным эпистемологическим проблемам начиная с самого «предмета познания». Исследование проблемы «предмета» с точки зрения ее онтологических предпосылок показывает также, что гипостазирование оказывается не одним из «сомнительных» или логически ошибочных приемов познания, но выполняет универсальные функции. Оно не сводится только к «операциям» мышления или логическим процедурам, но имеет более сложную структуру и контекст, базирясь на разных онтологиях, постоянно присутствуя в языковых операциях и опираясь на сам язык в своей реализации. Гипостазирование имеет место всюду, где возникает проблема существования, действительного и недействительного, идеального предмета, где объект познания непосредственно не наблюдаем. Очевидно, что во всех случаях гипостазирование опирается на язык, объективируется в языковой форме, неотделимо от языка. В то же время язык также включает в себя различные формы гипостазирования как в ходе формирования своей структуры, так и при применении его человеком.

³⁰ Майнонг А. Указ. соч. С. 206.